

Осенній вечерокъ.

(Изъ воспоминаній охотника).

I.

Октябрь на исходѣ; глубокая осень стоитъ на дворѣ.

Надъ раскисшею землею низко виситъ хмурое, мутно-сѣрое небо и кропитъ оно мелкой изморозью повсюду растворившуюся грязь. Въ воздухѣ влажно, сыро на землѣ.

Тихій пасмурный денекъ съ трехъ часовъ пополудни, какъ-то торопливо начинаетъ уже клониться къ вечеру. Густѣютъ сумерки, бѣлѣй становится туманъ, поднимающійся по лощинамъ, и будто какъ флеромъ, постепенно, но быстро затягивается окружающая даль. Сверху ползетъ тонкая влага, кругомъ мжить чѣмъ-то неосязаемымъ, и подъ этой «мжичкой» незамѣтно сырѣетъ платье, нечувствительно мокнуть усы и борода. Все ближе и все гуще надвигается вечерняя мгла...

Охота на нынѣшній день покончена. Она въ этотъ разъ была сѣзжая, состоявшая человекъ изъ десяти охотниковъ съ ружьями и двухъ борзятниковъ со своими сворами,—все это при одной стаѣ изъ двѣнадцати смычковъ гончихъ однокрытниковъ.

Изъ послѣдняго болота не всѣ еще подбыли гончія, которыхъ усердно вызываетъ доѣзжачій; а участники дѣла уже отправляются домой.

Прежде всѣхъ поворотили прямо съ мѣстъ, гдѣ занимали послѣдніе «лазы» у болота, оба борзятника и тронулись со сворами по направленію къ дорогѣ. За ними компанія ружейниковъ, наскоро уложивъ своихъ «Ричардсовъ» и «Мортимеровъ» и накинувъ на себя кто бурку, кто кожанъ, а иной и верблюжьё армячину, размѣщаются по обѣимъ сторонамъ старинныхъ длинныхъ дрогъ, и добрая тройка крупныхъ полукровокъ, порывисто вынесши ихъ отъ болота, зарысила къ дому.

Дружеская компанія довольна проведеннымъ днемъ;—многимъ изъ нихъ весело, всѣмъ удобно, хорошо...

По дорогѣ тройка скоро нагоняетъ идущихъ крупною ходою верховыхъ своихъ товарищей съ растянувшимися за ихъ лошадьми борзыми. Разумѣется, при семъ удобномъ случаѣ, немедленно завязывается разговоръ, перекидываются нѣсколькими фразами.

— Видишь, какую нашъ, Александръ Сергѣевичъ, серебрянку заполучилъ въ свои торока?! и все это — Крамсай его вырываетъ;—вонъ онъ, старый хрѣнъ, плетется—какъ и не его дѣло... говоритъ одинъ изъ охотниковъ съ дрогъ, указывая на матерую лисицу, поматывающуюся въ торокахъ ближайшаго къ нимъ борзятника и на сѣропѣгаго осенистаго кобеля, который, сторбившись и уткнувшись головой въ заднія ноги хозяйской лошади, степеннымъ трускомъ поспѣвалъ за ея широкимъ развалистымъ шагомъ, и слегка побрякивая металлическими кольцами своего гарусомъ шитаго ошейника, дѣйствительно не обращалъ, теперь, ровно никакого вниманія на все окружающее. Онъ даже не удостоилъ покосить глазами на подѣхавшій экипажъ.

— Съ полемъ, Александръ Сергѣевичъ!..

— Съ «краснымъ» васъ поздравляемъ! кричатъ съ дрогъ ружейники, ровняясь на ѣздѣ съ борзятниками.

— Саша,—Крамсаюшкина работа?—говори! громче другихъ спрашиваетъ солидный, украшенный сѣдиною мужчина, очевидно болѣе другихъ заинтересованный этимъ дѣломъ.

— Вотъ-же ты, отецъ, и ошибся,—отзывается на это Саша, весело улыбаясь всѣмъ своимъ молодымъ красивымъ лицомъ:—не Крамсай, а Вихра взяла.

— Толкуй ты тамъ про Вихру,—я своего Крамсаю давно знаю...

— Вѣрно, говорю, тебѣ: онъ обзарился въ кустахъ и прометался,—взяла Вихра, да подоспѣлъ Нахаль Василя Андріановича... Вотъ спросите у него самого.

Замѣтно пожилая, но еще типически статная фигура другого всадника, сдерживая перебивающаго подъ нимъ въ тротъ коня, оборачиваетъ на голоса говорящихъ свою усатую фizioномію и густой башкой его, полупушта, полусерьезно, произноситъ свой рѣшающій приговоръ:—Ни тотъ, господа, и ни другая и не думали брать,—поймалъ лисицу въ одиночку мой Нахаль, а вашъ Саша по обыкновенію отжилилъ и второчилъ ее къ себѣ;—ну и пусть его возить на здоровье...

На дорогахъ между сѣдоками послышался смѣхъ.

— Что такое?.. какъ?. Василій Андріановичъ!! закипятился на эту кровную обиду молодой охотникъ; но въ это время кучеръ шевельнулъ коренника, и обогнавшая тройка начала понемногу отдѣляться отъ всадниковъ.

— И не совѣстно, Василій Андріановичъ, и не грѣхъ это вамъ?.. за что вы меня?..—началъ было умоляющимъ голосомъ свой укоръ Александръ Сергѣевичъ, но его прекратилъ ласковый смѣхъ старшаго товарища и его дружески обращенные къ нему слова:—Ладно, птенчикъ, не плачь; дома расскажу по правдѣ какъ было дѣло,—а теперь надо поспѣшать, а то — обѣдъ перейдетъ...

До дома оставалось еще верстъ восемь. Тройка замахала полной рысью, борзятники продолжали идти крупной полевой ходюю.

— А жаль, что они далеко стояли съ борзыми, снова заговариваетъ—какъ видно, подъ вліяніемъ еще не совсѣмъ остывшихъ впечатлѣній одинъ изъ ѣдущихъ на дорогахъ охотниковъ:—отъ Кромсая не ушелъ-бы давишній волчокъ.

— Да, травнуть-бы можно было,—отзывается ему сосѣдъ по сидѣнью въ экипажѣ:—я хорошо видѣлъ, какъ сѣрый выбирался изъ послѣднихъ мелочей... прибылой, а ужъ—бревнистый лобанъ.

— И пролѣзъ-то подъ самымъ носомъ у моего дурака, Ванюшки; прозѣваль... по своему обыкновенію—проахаль...—поддерживаетъ разговоръ третій.

— Одно время мнѣ казалось, что онъ къ тебѣ просился, Дмитрій Петровичъ? спросилъ кого-то хозяинъ охоты.

— Да... просился...—какъ-то особенно мрачно, отвѣтилъ на это голосъ съ другой стороны дрогъ и замолкъ.—Разговоръ прекратился.

Сравнительно узенькая полевая дорожка, отдѣлившись отъ большой столбовой дороги, крупнымъ подъемомъ повела въ гору и свернувшія по ней лошади пошли шагомъ. Кто-то изъ сѣдоковъ звонкимъ теноромъ затянулъ русскую пѣсню: «Ночка темная, ночь осенняя»... Сверху началъ накрапывать мелкій дождь...

За господской тройкой, не желая далеко отставать и потому подпрыгивая спутаннымъ галопомъ, колтыхаешь, сокращая путь по межамъ и цѣликомъ по жниву, пара изъ рабочихъ лошадей, запряженныхъ въ просторную телѣгу. Цѣлый штатъ разнообразныхъ ружейниковъ, состоящихъ изъ господской прислуги, навалившись—какъ кому удобнѣе пришлось, загрузили всю телѣгу и давятъ подъ собою окровавленную добычу нынѣшняго дня: съ

десятокъ цвѣлыхъ русаковъ, двѣ — три лисицы, а подъ добрый часъ бываетъ и сѣраго кума, въ образѣ лобастаго переряка...

Громкій говоръ, свои остроты, здоровый веселый смѣхъ—слышатся и тутъ.

— А что, братцы,—важно теперь ложкой по горшку со щами поработать? затѣваетъ одинъ:—и Боже мой!—какъ важно!?

— Да... эта музыка занятная,—соглашается съ нимъ другой.

— Особенно, коли-ежели теперича, передъ самымъ этимъ горшкомъ, да опрокинуть въ горло какую ни на есть—хоть убогую, чарочку горемыки?—вставляетъ свое замѣчаніе третій.

— Эй, и... ихъ!..—любопытно!!—отзывается на послѣднее новый голосъ, и отъ одного только предвкушенія этого *любопытнаго*, голосъ смѣшивается съ зубовнымъ скрипомъ отозвавшагося.

За день-то всѣ понатѣшились вволю; порядкомъ притомились, а кое-кто изъ горяченькихъ, зачерпнувши въ сапоги воды, и изрядно передрогъ.—Немудрено, что всѣмъ имъ хочется домой:—поспѣшаютъ обогрѣться, отдохнуть.

II.

Уѣхали господа, ускакали за ними и люди; а надъ очищеннымъ болотомъ, во слѣдъ убравшимся охотникамъ, реветъ басистый рогъ доѣзжачаго...

Терпѣливо дожидаясь какую нибудь изъ «заядлыхъ» ищеекъ, онъ со всей стаей собравшихся и уже сосмыченныхъ гончихъ, выбрался на пригорокъ у болота и, съ небольшими промежутками отъ времени до времени, зоветъ въ рогъ. И въ вечерней тишинѣ расплывающагося сумрака далеко и гулко перекатываются эти мощные, дико-гармоническіе звуки.

Съ надвинувшейся мглою набѣжала маленькая тучка, и мелкій сыпучій дождикъ начинаетъ надоѣдливо сѣяться сверху, — а далеко отбившаяся выжловка не слышитъ рога, не подваливается на зовъ.—Кряхтитъ, пожимается доѣзжачій подъ своимъ замѣтно промокающимъ чекменемъ...

Вотъ досталъ онъ прямо изъ кармана чекменя—щепоть шаршавой махорки и смятый лоскутокъ газетной бумаги. Махорку высыпалъ себѣ на ладонь, усердно растеръ ее ладонью другой руки, бумажку тщательно расправилъ и соорудивъ изъ этого матеріала себѣ «носогрѣй-цыгарку», ухитряется добыть огня отсырѣвшими спичками. Присѣлъ на корточки и чиркаетъ ихъ одна за другою, то о подкладку чекменя, то о свою рубаху на груди,

всячески стараясь изыскать для этого гдѣ-нибудь сухонькое мѣстечко на своей одеждѣ; но спички только мажутся, дымятся съ сѣрой вонью, а не горятъ. Все выносящаго дѣтину начинаетъ разбирать зло, и свирѣпая псарская брань, невольно срываясь у него съ языка, сопровождаетъ каждую изъ неудавшихся его попытокъ...

На всю эту процедуру изъ-за широкой спины доѣзжачаго, хотя и очень умно, но совершенно безучастно—поглядываютъ два темныхъ, усталыхъ глаза осѣдланной лошади. До неподвижности спокойно стоитъ она тутъ, съ перекинутыми поводьями на передней лукѣ и свободно брошеннымъ чумбуромъ; въ торокахъ краснѣетъ окровавленный русакъ съ оторванной передней ногою, неоспоримый трофей поратыхъ гончихъ... Бѣлый конь «съ грѣчишкою» отъ лѣтъ, потемнѣлъ за день отъ пота и погоды. Его сѣдельныя подпруги отвисли подъ втянувшимися боками, а намокшая грива плотно прилегла къ тонкой шеѣ породистой лошади; низко опущена ея усталая голова, съ гривы и чолки крупными каплями сбѣгаетъ вода...

— Эхъ!... чтобъ тебя выворотило!!... Послѣднюю сгубилъ!... ворчитъ про себя доѣзжачій, бросая десятую незагорѣвшуюся спичку и опять принимается за рогъ.

Съ новой силой загудѣли надъ болотомъ и полились въ даль вечерней тьмы могучіе звуки.—Словно заплакала металлическая труба, тоскуя по отбившейся выжловкѣ, и такъ ласково и четко подаетъ ей свой призывный кликъ: «ай... бывай, собаченька!... бывай, быва-а-й»...

И только часа черезъ два времени, когда осенняя черная ночь совсѣмъ уже накроетъ всю природу, валится трусомъ къ дому густая колонна сомкнутыхъ гончихъ. Въ серединѣ этой темной массы, туманнымъ пятномъ, расплывается очертаніе бѣлой лошади, на которой покачивается коренастая фигура, промокшаго до костей, доѣзжачаго...

Позади всей стаи, на поджаромъ донцѣ, замыкаетъ шествіе выжлятникъ - хлопунецъ, мальчишка лѣтъ 15-ти; съежившись въ комочекъ на высокомъ сѣдлѣ съ коротко-подобранными стремениами, онъ изрѣдка подсвистываетъ, зорко всматриваясь и наблюдая, чтобы не отстала иная пара; по временамъ, какъ пистолетный выстрѣлъ, раздается трескучее похлопываніе его длиннаго арапника и при этомъ, дѣтскій, слегка охрипшій за день, голосокъ бойко выкрикиваетъ обычныя слова своей команды:— «Въ стаю!!... вались въ стаю»!!...

Наконецъ и имъ засвѣтило знакомыми огоньками изъ оконъ господскаго дома. Прибавили хода,—валятся во дворъ.

Изъ дома, на встрѣчу имъ, выбѣгаетъ на крыльцо, весь съ лица и до рубашки—розовый какъ маковый цвѣтикъ, мальчуганъ—Митя, типичный подростокъ будущаго «псаря-головорѣза», и напрасно усиливаясь разсмотрѣть въ непроглядной темени входящую группу, кричитъ съ крыльца въ сырую мглу ночного тумана:—«это Вы, Тихонъ Никитичъ»?...

— Ну?!... раздается, вмѣсто отвѣта, угрюмый басъ изъ середины собачьей стаи.

— Михаилъ Максимычъ приказали узнать: вызвали Дунайку или нѣтъ?...

— А то какъ-же, — волкамъ на ужинъ что-ль оставим?! рычитъ тотъ-же голосъ.

— Когда собакъ накормите, приходите къ господамъ... велѣно васъ позвать...—скороговоркой добрасываетъ Митя и проворно ныряетъ въ комнатную дверь.

— Ладно,—звябликъ!...—раздается ему въ слѣдъ...—провалявай!!... И стая проходить на псарный дворъ къ корыту съ готовой овсянкой.

III.

Тѣмъ временемъ охотничья семья господъ, освободившись отъ боевыхъ своихъ доспѣховъ, уже успѣла «на-черно» перехватить, и забравшись въ хозяйскій кабинетъ въ ожиданіи сытнаго ужина, благодумствуетъ тамъ надъ китайскими травами, потягивая ихъ «вкупѣ» съ ямайскою приправою...

Въ каминѣ, весело потрескивая, пылаетъ огонь. Въ зубахъ дымятся чубуки, сигары, и тонкій ароматъ гаванскаго произрастенія, смѣшиваясь съ отечественнымъ дымомъ блаженной памяти «Василія Жукова», густыми волнами наполняетъ комнатную атмосферу, покрывая своимъ сѣро-синимъ колоритомъ оживленные лица всей пріятельской компаніи. Въ рѣчахъ полнѣйшая свобода, въ движеніяхъ просторъ. Костюмъ тоже не стѣсняетъ эту публику: разстегнуты косые вороты въ шелковыхъ рубашкахъ, жилеты на распахку и изъ-подъ нихъ бѣлѣютъ рубава и груди полотнянаго бѣлья.

Веселый говоръ разнотонныхъ голосовъ, испещренный своеобразной охотничьей терминологіей, бойко кипитъ въ комнатѣ и по временамъ, прерываемый то живымъ подражаніемъ собачь-

ему гону, то оглушительно-рѣзкимъ посвистомъ, якобы тутъ-же порскающаго доѣзжачаго, шумно разливается по всему дому.

Тутъ, несмотря на разность лѣтъ, а подчасъ и общественныхъ положеній, отъ каждаго лица и отъ каждаго слова собравшихся, такъ и вѣетъ молодымъ добродушнымъ зазоромъ страсти къ своему безгранично-любимому дѣлу... словомъ, вѣетъ жизнью—цѣльною и на сей разъ для каждаго изъ нихъ—безпечною. Подъ впечатлѣніемъ еще не вполне уложившихся ощущеній, пережитыхъ за день каждымъ изъ участвовавшихъ, болѣе солидные—ведутъ свою бесѣду о томъ, какъ работала стая, а молодежь—съ увлеченіемъ вспоминаетъ только то, какъ дѣйствовали они сами; весьма немногіе отдыхаютъ безмолвно.

Вонъ на диванѣ, опершись на локоть одной руки и полудремля въ пріятной истомѣ, лежитъ сѣдой какъ лунь, до круглоты приземистый старикъ, съ душею вѣчно молодой, съ дѣтски румяными щеками и необыкновенно привѣтливымъ выраженіемъ въ своихъ веселыхъ голубыхъ глазахъ. Это Павелъ Ивановичъ Бѣлогривовъ—всеобщій «дядя», дорогой другъ и достойный любимецъ всей охотничьей семьи.

Ему очень хочется «подъ шумокъ» вздремнуть, но въ то-же время—Володѣ Горскому, безусому юнцу, съ хорошенькимъ женоподобнымъ личикомъ и лихорадочно блестящими глазами—еще болѣе хочется рассказывать; и онъ, жестикулируя передъ самымъ носомъ Павла Ивановича, повѣствуетъ ему, чуть-ли не 10-й разъ подрядъ, о томъ, какъ на нынѣшней охотѣ онъ, Володя, срѣзалъ русака, махавшаго полнымъ бѣгомъ, изъ-подъ гончихъ, «несшихъ его на шипцѣ», и какъ этотъ русакъ послѣ его выстрѣла покотился черезъ голову подъ гору; а затѣмъ, какъ свалившаяся на выстрѣлъ стая чуть не разнесла въ клочья и этого злополучнаго русака, и самого его, «счастливаго немврода»...

— Хорошо, отлично—хорошо!... лѣниво усмѣхаясь, похваливаетъ неизвѣстно что въ этомъ рассказѣ, ветеранъ охоты.

— Ахъ, милый дядя!... если-бы вы видѣли—какъ онъ покотился?... какъ онъ покотился!... съ искреннимъ восторгомъ снова затанулъ безусый стрѣлокъ.

— Лихо... лихо... шепчутъ на это совсѣмъ уже засыпающія уста утомленнаго старика.

А пока Володя у дивана допекаетъ полусоннаго «дядю» своимъ повѣствованіемъ о покотившемся русакѣ, въ другомъ углѣ той-же комнаты составляетъ свой отдѣльный кружокъ, въ центрѣ котораго бурчить сдержанный басъ Василія Андріановича, до-

бросовѣстно въ эту минуту рассказывающаго о доблестныхъ дѣяніяхъ Вихры, при поимкѣ привезенной Александромъ Сергѣевичемъ лисицы. Изъ этого разсказа, всѣми признаннаго дѣльнаго знатока псовой охоты, для всѣхъ слушателей досконально выясняется, что молодая Вихра, принадлежащая лично молодому охотнику, являетъ всѣ признаки далеко не зауряднаго ловца,—такъ что въ недалекомъ будущемъ она угрожаетъ стать опасною соперницей старику Крамсаю, любимой собакѣ родного отца Александра Сергѣевича.

— Что, папа, что?... не правда-ли, что я говорилъ тебѣ?... съ азартомъ молодости, едва дослушавъ до конца повѣствованіе, выкрикиваетъ Александръ Сергѣевичъ:—пуля, какъ есть—коническая пуля, а не собака—моя Вихра!... ты слышишь-ли папа:—безъ угонки!.. понимаешь, значить прямо: джжи!... бацъ!!... и какъ подушку понесла полоскать въ зубахъ матерого лѣсовика... а?... каково?...

— Вѣрю, голубчикъ, вѣрю, и поздравляю, соглашается убѣжденный отецъ, и неудержимый порывъ охотничьяго восторга, съ одинаковою силой, одновременно охватываетъ какъ пожилого охотника, такъ и его молодого сына, причемъ оба они умилительно обнимаются между собою...

IV.

— Нѣтъ, господа, вы представьте себѣ мое положеніе, выходитъ голосъ одного изъ солидныхъ охотниковъ, Дмитрія Петровича Арканова, и завладѣваетъ вниманіемъ всего общества.

— Представьте. Стою я, вотъ у послѣдняго болота, подъ ольховымъ кустомъ... Хорошее такое мѣстечко выдалось:—на-лѣво—лѣсъ примкнулъ съ своими мелочами, а справа по камышамъ—два длинные прокоса, что твои коридоры, протянулись въ самую глубь болота... Одно слово—«лазъ», и самый надежный лазъ мнѣ попался.—Стою...

Пока заводили гончихъ, да пока разсыпались по мѣстамъ вотъ этикіе тихоходы (Аркановъ кивнулъ головой въ сторону Павла Ивановича),—прошло время добрыхъ полчаса. Я уже успѣлъ втихомолку покурить. Слышу: журавли летять... посмотрѣлъ наверхъ: большая станица ихъ выравнялась правильнымъ угломъ, тянутся на югъ,—отъ скуки я принялся ихъ считать...—И хорошо помню, какъ именно на девятой парѣ, мнѣ, будто ко-

локолъ, въ самое ухо звякнулъ Дунайкинъ голосокъ.—Далеко гдѣ-то справа отъ меня, толкнула, и залилась, моя голу-бушка, словно пѣсню завела... Вслѣдъ за этимъ какой-то изъ молодыхъ, должно быть на подвалѣ къ ней, взрѣвъ нарѣзался и заоралъ что ни на есть благимъ матомъ—будто его раскален-нымъ желѣзомъ по спинѣ погладили,—такъ сразу и опрокинулъ на себя всю стаю; свалились и пошла «писать губернія»...

— Да ужъ и варили!...

— И пекли-же?!... вставляютъ свои возгласы кто-то изъ слушателей.

— Да—а... какъ ни прислушивался я къ голосамъ, стара-ясь распознать по нимъ собакъ,—кипитъ, будто въ общемъ кот-лѣ, вся эта страшная каша, клоочетъ... и ничего ты тутъ не разберешь... только по временамъ, надо полагать—на крутыхъ поворотахъ звѣря чуть-чуть замѣтно выдѣляется, какъ впереди всѣхъ—словно захлебывается—Дунайка; за ней ревмя ревутъ всѣ эти фараоны,—а за ними, точно въ порожнюю бочку, са-дить своимъ басищемъ, отставшій старикъ, Сорочай...

Къ концу этого монолога голосъ Арканова, захваченный страстнымъ приливомъ вновь переживаемыхъ ощущеній, посте-пенно спадая съ тона, смолкъ совсѣмъ, взглядъ склонился долу, а на лицѣ засвѣтилась улыбка внутреннего удовольствія.—Такъ улыбается присяжный меломанъ, когда онъ заслушается перваго солиста въ какой-нибудь новой грандіозной оперѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ общаго молчанія, Дмитрій Пет-ровичъ, словно очнувшійся отъ сна, встряхнулъ своей курчавой головою и по прежнему продолжалъ:—Меня индо въ потъ уда-рило, когда я услышалъ что весь этотъ хороводъ повернулъ ко мнѣ въ ноги...—Вотъ, думаю себѣ, и я нынѣшній день «съ крас-нымъ» буду,—вѣдь, не могъ-же я не понимать—по чемъ ра-ботаетъ наша стая... Только успѣлъ это подумать, выпросталъ ружье съ взведенными курками и приросъ къ ольшинѣ, замира-ючи душой...—какъ вдругъ, откуда ни возьмись...

—Вѣдьма стала передъ нимъ...—раздается со смѣхомъ весе-лый голосъ съ дивана, на которомъ помѣщался, повидимому дремавшій, Павелъ Ивановичъ.

— Нѣтъ,— не вѣдьма, а твой растреклятый «Спѣвникъ», чтобъ ему, окаянному, первой-же костью подавиться на вѣки вѣч-ные, огрызается на этотъ возгласъ нисколько не смутившійся рассказчикъ и ведетъ свою рѣчь далѣе:—Воля ваша, братцы!.. а это только одинъ Павелъ Ивановичъ и можетъ терпѣливо

сносить подобныя злодѣянiя своей шалавы. На мой характеръ, такъ давнымъ-бы давно—та и осина-то засохла, на которой я повѣсилъ-бы этого «сладкозвучнаго пѣвца»!. Вишь—выдумалъ: «Вѣдьма»! передразниваетъ онъ Павла Ивановича и не стѣснясь добавляетъ:—самъ-то ты—лѣшій безрогій!..

— Ну, полно, Мита!—чего пѣтушиться?.. вѣдь дѣло прошлое: ни помочь, ни поправить я не могу... вотъ лучше, не хочешь-ли сливокъ отъ бѣшеной коровы въ чай подлить?!. важная, братъ, штука—эти сливки!!.—флегматически осаживаетъ его добродушный Павелъ Ивановичъ.

Спокойно ласковый тонъ стараго товарища, быстро достигаетъ своей цѣли. Дмитрiй Петровичъ немедленно понижаетъ свою воркотню и будто нехотя, но все-жъ-таки принимаетъ отъ Павла Ивановича графинъ съ ромомъ и дѣлаетъ себѣ «презрядный» пуншъ...

V.

Дѣло въ томъ: у Павла Ивановича, не далѣе какъ года два тому назадъ, была своя небольшая, но — на диво подобранная и замѣчательно сѣзженная стая гончихъ; водились у него и борзые, красивыя, рѣзвыя собаки и ловцы надежныя... Все это было... и велось у него въ такомъ порядкѣ, что вчужѣ радовалась душа, глядя на составъ его охоты. Но злая заразная чума въ нѣсколько дней сокрушила его псарню до послѣдней шерстинки, прихвативъ кстати при этомъ и прелестнѣйшаго сеттера, служившаго у него въ полѣ удивленiемъ цѣлаго уѣзда, такъ что Павелъ Ивановичъ, въ одно злосчастное для него утро, очутился неожиданно-негаданно, какъ самъ онъ выражался, «круглымъ сиротой», и — затосковалъ. Угрюмо тяжело затосковалъ,—до болѣзни... Ибо вскорѣ затѣмъ нервная горячка свалила его въ постель, и нашъ Павелъ Ивановичъ недѣль шесть—буквально—пробалансировалъ между своей безвременной могилой и Божиимъ свѣтомъ. Но желѣзная натура, закаленнаго въ поляхъ и непогодахъ, стараго охотника, взяла верхъ надъ тяжкою болѣзью,—онъ уцѣлѣлъ и поправился. И хотя не меньше прежняго любилъ всякую охоту, но своихъ собакъ—уже не заводилъ.—«Потому», объяснялъ онъ,—«что повторись надо мною, еще разъ, подобный разгромъ,—не переживу»... И въ устахъ Павла Ивановича это была—не фраза, а непреложная истина, въ которой не сомнѣвался ни одинъ изъ людей, хорошо его знавшихъ.

Вотъ, въ концѣ этой болѣзни, когда самый злой недугъ уже покинулъ одръ больного, и къ нему понемногу стали возвращаться силы, кто-то изъ домашнихъ Павла Ивановича, препода-несъ ему, единственного изъ удѣлѣвшихъ отъ всей псарни, красноподпалаго щенка, съ докладомъ, что это сынъ его любимой выжловки «Пѣвки»—и вмѣстѣ съ этимъ, тутъ-же, ему подвели—одну изъ борзыхъ, осенистую, половопѣгую суку—тоже какимъ-то счастливымъ случаемъ отваливавшуюся отъ общей эпидеміи. Павелъ Ивановичъ, съ дѣтскимъ восторгомъ, узналъ въ ней свою «Черкизу» и, прижимая къ груди эти послѣдніе остатки своей недавней роскоши, зарыдалъ надъ ними — горько, громко, какъ ребенокъ.

Разумѣется, съ перваго-же появленія передъ глазами Павла Ивановича этихъ двухъ существъ, они всецѣло приросли къ его любвеобильному сердцу и, служа лѣкарствомъ его больному тѣлу и тоскующей душѣ, сдѣлались неразлучны съ нимъ и въ домѣ, и въ полѣ.

Заботливо вскормленный въ холѣ и довольствѣ, толстомордый цунька, названный въ память своей матери—«Спѣвикомъ», современемъ превратился въ огромнаго выжлеца, феноменально-крутаго склада, съ стальными ногами и съ чарующимъ, зали-вистымъ башуромъ. Но, какъ не получившій не только строго должнаго, но даже и ровно никакого образованія въ собачьей школѣ, «Спѣвикъ» являлъ собою весьма наглядное подобіе все-свѣтнаго «совраса безъ узды», уродившагося изъ собачьей расы; молодой и необыкновенно сильный, онъ былъ неукротимый безобразникъ на всякомъ мѣстѣ и во всякое время... Въ одиночку гонялъ только—«по охоткѣ», а въ стайныхъ охотахъ—всегда слонялся за людьми или «крохоборничалъ» около господъ... Тѣмъ не менѣе, благодаря вполнѣ заслуженному уваженію, а главное, всеобщей товарищеской любви къ его хозяину, почтеннѣйшему Павлу Ивановичу никогда не рѣшались «на-отрѣзъ» отказать въ его постоянной просьбѣ о томъ, чтобы «ради только моціона» допускать къ общей стаѣ его любимца, и допускали. Правда, почти всѣ и всегда на это морщились, слегка ворчали, но терпѣли какъ неизбежное зло... Потому что лицезрѣть въ своемъ кругу милѣйшаго изъ товарищей и не видѣть подлѣ него его неразлучнаго спутника, «сладкозвучнаго пѣвца», всѣми признавалось за физическую невозможность;—и въ силу этого, «сладко-звучный» разыгрывалъ свои симфоніи, обязательно присутствуя на каждой изъ охотъ, гдѣ участвовалъ его хозяинъ.—«Спѣвикъ»

портилъ общее дѣло, творилъ свойственныя ему безобразія и хотя неоднократно получалъ за это достодолжное возмездіе (конечно, втихомолку отъ своего патрона), то есть, бывалъ бить «долго и нещадно», но отъ права своего не отступалъ.—Сука-же, «Черкиза», своеобразно натасканная самимъ Павломъ Ивановичемъ по дичи подъ ружьемъ, замѣнивъ ему сѣттера «Фингала», превратилась—по своимъ наклонностямъ—изъ борзыхъ въ легавую; и стоило ей только слышать гдѣ-бы то ни-было въ окрестности выстрѣлъ, какъ она моментально являлась на мѣсто дѣйствія и начинала, совершенно противъ воли зрителя, предъявлять ему свои артистическіе таланты въ этомъ дѣлѣ,—то есть «турила» все, что только попадало ей на глазъ; турила безуемно, безустанно, турила въ горизонтъ... Но «Черкизу» знали и любили всѣ охотники, какъ замѣчательно поимистую борзую; а потому ни у кого изъ нихъ не поднималась рука на то, чтобы «разъ навсегда» проучить ее за эти непріятности.

Словомъ, въ концѣ концовъ, къ этимъ достопримѣчательностямъ Павла Ивановича, какъ бываетъ и ко всему на свѣтѣ, всѣ товарищи привыкли, хотя это и не мѣшало иногда повторяться сценамъ въ духѣ начатой теперь Дмитріемъ Петровичемъ.

Терпѣливѣйшій въ обычной своей жизни, человѣкъ, Аркановъ—былъ горячъ на охотѣ вообще, а въ данномъ случаѣ, какъ жестоко потерпѣвшій, онъ—«загорался и пылалъ», при одномъ только воспоминаніи о осужденной ему «пакости» любимцемъ Павла Ивановича; и будучи болѣе другихъ друженъ съ общимъ дядей, онъ не затруднялся въ выборѣ выраженій, а прямо—«разносилъ» своего пріятеля, вмѣстѣ съ его фаворитомъ, что называется, разносилъ «на всѣ корки»... Такъ что Павелъ Ивановичъ, сидя на кушеткѣ, съ подобранными подъ себя своими коротенькими ножками, только головой покачивалъ—какъ китайская куколка, изъ стороны въ сторону, да отъ времени до времени съ непритворнымъ удивленіемъ, добродушно повторялъ:—И откуда это у него берется?!. точно, вотъ мѣшокъ какой онъ развязалъ, да такъ и посыпаетъ... такъ и посыпаетъ...

Сцена выходила прекомичная, компанія потѣшалась искренно.

VI.

— Ну, а дальше?

— Рассказывай!..

— Дмитрій Петровичъ, расскажите, что-же дальше-то вышло? сыпались вопросы...

— А вотъ что вышло: вся стая, говорю вамъ, несетъ на щипцѣ, прямехонько мнѣ въ лобъ... Чувствую,—ну, вотъ, вотъ, чувствую,—выткнется звѣрь на дуло... А этотъ стервецъ!.. слово изъ за моей спины-то, кто изъ пушки имъ выпалилъ,—какъ вылетитъ... да какъ врѣжется на встрѣчу всей стай, съ своимъ проклятымъ горломъ... Ну, разумѣется—«сперечилъ» и «оттеръ», анафема!.. Послѣ оказалось, что и вели-то по тому самому волку, котораго болванъ Ванька прозѣвалъ...

— Вотъ то самое и вышло!! закончилъ свое повѣствованіе Дмитрій Петровичъ и направился «промочить горло» къ столу съ соленой закуской.

— Митя! ты—что это: горькой англійской—что-ли хочешь? заботливо спрашиваетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало, Павелъ Ивановичъ.

— Да, горькой... отвѣчаетъ тотъ сквозъ зубы.

— Налей, голубчикъ, и мнѣ; только подбавь туда-же немного кюммелю...

— Вотъ вамъ!.. И извольте послѣ этого на немъ обиду искать,—замѣчаетъ Дмитрій Петровичъ, невольно улыбаясь и кивая головой въ сторону хозяина собаки.

Раздается взрывъ общаго хохота, среди котораго слышатся отрывки оправдательныхъ рѣчей Павла Ивановича, въ родѣ того: *«Грѣхъ оправдательныхъ рѣчей Павла Ивановича, въ родѣ того:»* „Не вниди въ судъ и въ осужденіе ближняго твоего...“

Кто-то изъ молодежи ему подсказываетъ: „ни раба его, ни даже скота его...“

— Такъ, такъ, во-истину такъ, милый человѣкъ, обрадовался онъ, поддержавъ.

Появленіе въ дверяхъ комнаты монументальной фигуры доѣзжачаго, вмѣстѣ съ породистой гончей, весело вскочившей вслѣдъ за нимъ, прерываетъ этотъ гомонъ общаго веселья.

Тихонъ Никитичъ, заложивъ, по своей всегдашней привычкѣ, лѣвую руку за бортъ своего верблюжьяго чекменя, а правую глубоко опустивъ въ карманъ, въ ожиданіи (будто-бы господскихъ приказаній, а въ сущности—достоющаго вниманія къ своей особѣ)—безмолвно прилипаетъ къ косяку двери. Пришедшая-же съ нимъ гончая, очутившись въ обществѣ хорошо знакомыхъ ей людей, радушно замахала хвостомъ и притворно попискивая, начала кружить по комнатѣ.

— А, а, а! Дунайчка, пришла!!

— Дуничка!!

— Дуня—ягодка моя?! посыпались ласковые возгласы на общую фаворитку и съ разныхъ сторонъ потянулись руки, чтобы погладить ея сухую красивую головку.

Умная выжловка, отзываясь на привѣтъ, разъ, другой, игриво фыркнула носомъ, обошла все наличное собраніе и, мимоходомъ любознательно обнюхавъ край стола съ закуской, направилась къ своему хозяину. Съ миной избалованнаго ребенка, она потерлась головою о высокія голенища охотничьихъ сапогъ Михаила Максимовича и тяжело вздохнувши (точно съ великаго горя), съ видимымъ наслажденіемъ растянулась передъ огнемъ тихо догорающаго камина

— Тихону Никитичу, наше всенижайшее!.. первый обратился къ доѣзжающему Сергѣй Николаевичъ, какъ почетный гость въ охотѣ; а за нимъ, этого любимаго сподвижника во всякой охотѣ съ гончими, обступили и всѣ остальные члены компаніи; завязалась нескончаемая бесѣда о томъ: какія мѣста брать на-завтра? гдѣ,—откуда набросить? какъ стать со сворами? куда раз-тыкать ружейниковъ и т. под...

Толковали долго, не разъ громко и горячо принимались спорить по поводу разныхъ мелкихъ недоумѣній и наконецъ, исчерпавъ до дна эти общіе (первой важности) вопросы, разговоръ перешелъ къ частностямъ, принялъ хозяйственное, въ своемъ родѣ, направленіе, въ смыслъ дальнѣйшихъ соображеній къ продолженію настоящаго охотничьяго сезона.

— Михаилъ Максимовичъ, кушать подано!.. Не безъ шика провозгласилъ, показываясь въ дверяхъ кабинета, въ качествѣ параднаго оффиціанта, юркій Митя.

Съ доѣзжающимъ наскоро распрощались и вливъ въ него квасной стаканъ рома, отпустили „на боковую“ вмѣстѣ съ Дунайкой, получившей на свою долю большой кусокъ холоднаго пирога.

— А затѣмъ—и сами господа—бывало:
„Выпивъ изрядно, поужинавъ плотно,
„Отходятъ ко сну беззаботно“...

Н. Гр. Бунинъ.